

А.А. ТОРТИКА
А.А. TORTIKA

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КОЧЕВНИКОВ КРЫМА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V – НАЧАЛЕ VII ВВ.: ЭКОЛОГИЯ
ХОЗЯЙСТВА И ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ¹
HISTORICAL GEOGRAPHY OF NOMADS OF CRIMEA IN THE
SECOND HALF OF V – BEGINNING OF VII AGES: ECOLOGY OF
ECONOMY AND QUANTITY OF POPULATION**

Кочевой образ жизни раннесредневековых племен степной зоны Восточной Европы был описан современниками с большей или меньшей степенью подробности и точности. Как правило, особенности кочевого быта, культуры, военного дела, последнего в особенности, привлекали оседлых соседей в случае усиления того или иного степного народа. Так произошло и в т.н. гуннскую эпоху, когда с конца IV и до середины VII в. пространство между Волгой и Дунаем было занято гуннами, родственными им племенами или их потомками: гунно-болгарами, болгарами, кутригурами, утигурами, оногурами. Если гунны угрожали самому существованию сложившегося в мире порядка, то сменившие их племенные союзы, хотя и не создавали угрозы такого масштаба, все же часто беспокоили Византию грабительскими набегами или, в иных случаях, представляли для нее интерес как союзники. Сведения о кочевниках в трудах древних и средневековых авторов отрывочны, фрагментарны, случайны, только изредка они изложены в форме специального экскурса, как у Аммиана Марцелина или Иордана, и даже там объективные данные приходится извлекать из массы эмоциональных характеристик и шаблонных оценочных суждений. Тем не менее в письменных источниках есть ряд свидетельств, позволяющих выявить конкретные признаки экстенсивного кочевого скотоводства населения степей Восточной Европы в гуннскую эпоху и некоторые эколого-географические характеристики их среды обитания.

В частности, классическое описание кочевников, на примере гуннов и аланов, дает Аммиан Марцелин. Опуская известный набор признаков «дикости» гуннов и характеристики их военных навыков, отметим только основные из их этнографических «кочевнических» черт, обусловленных их хозяйственно-культурным типом. Гунны IV в. «так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть» [6, с. 491]. И действительно, вплоть до начала XX в. потомки средневековых кочевых народов Евразии использовали собранные в степи травы и корни

¹ Работа выполнена в рамках гос. задания Минобрнауки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

в качестве приправ, а конину, вяленную под седлом, считали одним из лучших деликатесов².

«Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; напротив, они избегают их как гробниц...» [6, с. 491]. Так и в XVI в. Сигизмунд Герберштейн, описывая ордынских татар, отмечал у них сходные привычки и признаки быта: «...Они не остаются долго на одном месте, считая за сильное несчастье долго пребывать на одном том же месте. Поэтому иногда, рассердившись на детей и призывая на них тяжелое несчастье, они обычно говорят им: «Чтобы тебе, как христианину, оставаться всегда на одном месте и нюхать собственную вонь» [11, с. 143].

«Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду» [6, с. 491]. Выносливость и неприхотливость кочевников подчеркивают и более поздние авторы. Сигизмунд Герберштейн в XVI в.: «... Насчет голода и сна до такой степени выносливы, что иногда выдерживают это лишение целых четыре дня, предаваясь, тем не менее, необходимым трудам...» [11, с. 140–142] и И.И. Георги в XVIII в.: «...Они едят чрезвычайно мало, но и недостаток в пище могут сносить долго и без роптания...» [23, с.14]. Подобное положение дел характерно для всех обществ с низким уровнем производства и потребления, которое сильно зависит от природных условий, меняется по временам года. Описанная в источниках выносливость кочевников была результатом естественного отбора и высокой детской смертности. Выжившие и воспитанные в суровых условиях, они действительно сильно отличались от наблюдавших их быт европейцев и вызывали удивление авторов письменных источников.

«Голову покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги – козьими шкурами, обувь, которую они не выделывают ни на какой колодке, затрудняет их свободный шаг. Поэтому они не годятся для пешего сражения; зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид...» [6, с. 491]. Со времен скифов и центрально-азиатских сюнну лошадь является главным животным в стаде кочевников, несмотря на то, что численность лошадей обычно была меньше овец. Судя по костям, находимым при раскопках сюннуских погребений, лошади в основном были типичными монгольскими табунными. Небольшого роста, коренастые, грубого, мускулистого сложения, с короткой и широкой мордой. Видимо, на лошадях именно такой породы гунны ворвались в пределы Европы. По мнению В.С. Таскина, они могли покрывать такое же расстояние, как и монгольские, которые пробежали за день 150–200 верст. По сообщениям китайских авторов, лошади сюнну были неутомимы,

² Так Ал Я'Куби писал о том, что: «... В Туркестане нет земледелия, кроме проса... Пища их – только молоко кобылиц, и они едят их мясо, а больше всего едят дичь» [44, с. 150]. Из записок же Марко Поло следует, что основным продуктом питания в Монголии XIII в. также было мясо: «...Едят они (монголы) мясо, молоко и дичь; едят они фараоновых крыс (сурки)... Едят они лошадиное мясо и собачье и пьют кобылье молоко. Всякое мясо они едят» [37, с. 236]. Позднее, уже в XIV в., Эломари обращал внимание на рацион ордынцев, которые по его словам питались следующим образом: «...Большая часть их еды (состоит) из мяса (добываемого посредством) охоты, из молока, сала и проса» [60, с. 230–231] и т.д.

Тортика А.А. Историческая география кочевников ... ██████████

легко взбирались на горные кручи и успешно преодолевали водные преграды [59, с. 25–26]. Непрезентабельный внешний вид лошадей кочевых пород отмечают и позднесредневековые авторы. Иосафат Барбаро сообщает, что: «...Лошади татарские не отличной породы, малорослы, имеют отвислое брюхо и непривычны к овсу» [13, с. 34–35]. Не меньшую роль лошадь играла в жизни раннесредневековых кочевников. Авторы письменных источников неоднократно упоминают о конных армиях кутригуров, савир, тюркютов, аваров, протоболгар, хазар и др.

«Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни, кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь...» [6, с. 492]. Ногайцы Днепр-Донского междуречья в XVI в., по сообщению Антона Дженкинсона, высказывали полнейшее презрение к оседлому образу жизни и земледельческому типу хозяйства: «...Зерен они не едят и вовсе не употребляют хлеба; смеются за это над христианами; призирая нашу крепость, они говорят, что мы живем едой верхушек трав и пьем из них же выделанные напитки; чтоб достичь их силы и крепости, рекомендуют есть много мяса и пить молоко» [29, с. 38].

Иордан зафиксировал кочевой образ жизни и скотоводческое хозяйство ряда восточноевропейских племен VI в., среди которых были и протоболгары: «...К югу соседит с ними сильнейшее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты.... А там и гунны.... летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота...» [31, с. 72].

Приведенная Прокопием Кесарийским поговорка утигуров, произнесенная якобы их посланцами от имени вождя этого племени – Сандилха, свидетельствует о кочевом образе жизни и хозяйственно-культурном типе утигуров и кутригуров второй половины VI в.: «... И, представ перед лицом императора Юстиниана, они заявили, что, вместо письма, их устами говорит их царь Сандилх следующее: «В детстве одну слышал я поговорку и помню ее, и если я что-нибудь из нее забыл, то эта поговорка такова. Говорят, что дикий волк мог бы, как это ни трудно допустить, переменить свою волчью шкуру, но характера своего он изменить не может, так как природа его ему этого не позволяет. Вот что говорит Сандилх, пользуясь поговорками, слышал я еще от стариков, таким иносказательным словом намекавших на человеческие отношения. Знаю это и я сам, научившись на опыте, насколько можно было научиться варвару, живущему в полях. Пастухи берут себе собак еще щенками и заботливо воспитывают их дома; собака – животное очень ценное и преданное тем, кто его кормит, и самое памятливые на оказанное ему добро. Делается это пастухами с той целью, чтобы в случае, если волки кинутся на стадо, эти собаки отразили их нападение, являясь хранителями и спасителями стад.... Так и мы: живем мы в хижинах в стране пустынной и во всех отношениях бесплодной...»» [51, с. 436–438].

Со слов Менандра Византийца утигуры и кутригуры ведут «одиноким образ жизни», т. е. и те, и другие являются кочевниками [18, с. 321]. В Хронике Захария Ритора «бургар, куртаргар, авар, хасар, сирургур и тд.» относятся к числу народов, которые

«живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» [46, с. 165]. Таким образом, описан кочевой образ жизни, основанный на экстенсивном скотоводстве с внестойловым пастбищным содержанием скота в течение круглого года. При этом значительную роль в рационе, в зависимости от места проживания, могут играть охота и рыбная ловля, а важным источником обогащения являются война и набеги. Древние и средневековые авторы отдавали себе отчет в том, чем кочевники отличаются от оседлого населения, перечисляют этнографические признаки кочевничества, известные современной науке, как правило, им можно доверять, когда они характеризуют тот или иной народ именно как кочевой.

Оснований для реконструкции исторической географии кочевого населения степного Крыма и Керченского полуострова, Приазовья и Причерноморья в гуннское и постгуннское время немного. Здесь, как правило, используется достаточно ограниченный и давно известный набор сведений письменных источников, а также данные археологии, которые невозможно связать напрямую с какими-то этническими группами кочевого населения или конкретными событиями кочевой истории, но в то же время они дают достаточно определенные основания для хронологических построений и общих этнокультурных характеристик.

К числу основных письменных источников, традиционно цитируемых в научной литературе, относятся труды Иордана, Прокопия Кесарийского, Иоанна Малалы, в меньшей степени Агафия Миринейского, Феофилакта Симоккаты, Менандра, Феофана.

Некой точкой отсчета, условным хронологическим рубежом, для проведения историко-географических реконструкций, попыток определения территория расселения гуннских, гунно-болгарских, болгарских племен на названных территориях, является смерть Атиллы в 453 г. и последовавший за этим распад возглавляемого им объединения варварских племен и народов.

Иордан отмечает, что после поражения гуннов в битве при Недао и смерти старшего сына Атиллы Эллака в 454 г. остальных гуннов «погнали вплоть до берега Понтийского моря, где,.. сидели раньше готы» [32, с. 111]. В данном случае речь идет, видимо, о северо-западном Причерноморье. Однако, описывая дальнейшее расселение варварских народов, Иордан фиксирует, что «племя гуннов занимает свои давние места» [32, с. 112], под которыми он же в дальнейшем понимает области в районе Меотиды. После очередного поражения от готов, «обращенные в бегство, они направились в те области Скифии, по которым протекают воды реки Данапра...» [32, с. 113].

Таким образом, с середины – второй половины V вв. кочевые племена гуннов снова осваивают степи Причерноморья, нижнего Поднепровья и, видимо, северного Приазовья [32, с. 337]. Следует отметить, что эти территории отнюдь не были для них новыми и неизвестными. После того как гунны еще в 375 г. перешли с восточного на западный берег Дона (Танаиса) и начали громить остроготов Германариха, они проникли и в Приазовье, и в Степной Крым. Как отмечает А.И. Айбабин, «продвига-

Тортика А.А. Историческая география кочевников ...

ясь к Дунаю, гунны захватили и разорили город Боспор, уничтожили другие города и поселения в Восточном Крыму и поселения в окрестностях Херсона» [4, с. 21]. Сведений письменных источников о пребывании гуннов в Крыму в первой половине V в. не сохранилось, частично эту лакуну заполняют данные археологии. Как принято считать, к памятникам этого времени на территории Крыма относятся погребения «в Восточном Крыму – в Марфовке и близ Феодосии, в степи – в Изобильном, в совхозе им. Калинина, в поселке Чикаренко и на некрополе античного городища Беляус» [3, с. 206]. Они датируются первой половиной V в. Предполагается, что «контролировавшаяся гуннами территория простиралась до возвышенностей Третьей гряды в Центральном Крыму» [4, с. 21].

Косвенным признаком появления в районе Третьей гряды гуннов является уход отсюда прежнего, сармато-аланского населения. Оттесненные гуннами аланы покидают места своего прежнего обитания в районе могильников Нейзац, Дружное и Перевальное и оседают в районе Второй (Скалистое, Бакла, Мангуп) и Первой (Лучистое) гряды Крымских гор. Датируются эти процессы достаточно коротким периодом с начала до середины V в. [4, с. 22]. В то же время характерно, что гунны не уничтожили эти группы алан и не увели их с собой на Дунай. По всей видимости, в это время их пребывание в Крыму не было постоянным, а давление на прежнее население не носило системного характера, что и позволило аланам не только обосноваться на новых местах, но также стабилизировать и перестроить в соответствии с новыми природными условиями свое хозяйство. Здесь мы наблюдаем типичный пример вынужденной седентаризации, когда потерпевшие военное поражение кочевые или полукочевые группы покидают степь, переходят к различным формам оседлого скотоводства, осваивают земледелие, а более сильный противник занимает их прежние места обитания.

В то же время эти аланы не были ограблены, порабощены, не были превращены в податное население. Они сохранили свои социальные (родоплеменные) структуры, хозяйственный потенциал, определенный уровень благополучия. Принадлежавшие им ценности, украшения, оружие сопровождают умерших и на новых местах, в новых могильниках, несмотря на вынужденный отказ от кочевания и изменение военно-политической ситуации. В условиях кочевого нашествия такое положение дел выглядит удивительно. Ведь известно, что гунны не церемонились с предшествующим населением Восточной Европы, их жестокость не знала меры ни в отношении варваров (алан, готов)³, ни в отношении римлян. Аланы-танаиты были частично

³ Эвнапий Сардиец (360–414?) с ужасом рассказывает о погроме, произведенном гуннами в готском объединении Германариха: «Скифы [готы], побежденные, были истребляемы Уннами. Множество их погибло совершенно. Одних ловили и побивали вместе с женами и детьми, и жестокости при убийствии их не было меры...» [18, с. 125]. Гунны завоевывали себе новую территорию для жизни и кочевания, а им не нужны были пленные, так как в кочевом хозяйстве нет необходимости для использования рабского труда. Поэтому старое население завоеванных территорий изгонялось, либо, особенно если оно оказывало сопротивление, уничтожалось. Примеры такого геноцида неоднократно встречаются в исто-

уничтожены, частично присоединены к движению гуннов на запад, та же судьба постигла готов в Приазовье и Причерноморье [6, с. 491–492, 494–495 и т.д.; 32, с. 85].

Складывается впечатление, что в период максимальной активности гуннов на западе с конца IV в., особенно во времена Атилы (30–50-е гг. V в.), степи Крыма и Днепро-Донского междуречья не имели постоянного кочевого населения. Разве что какие-то отдельные, не слишком многочисленные группы (аилы?), по тем или иным причинам отделившиеся от основного массива гуннского объединения, появлялись здесь и кочевали по практически пустым степям. Их представители и были погребены у Марфовки, на территории городища Беляус и т.д. При этом, учитывая единичность погребений, отсутствие массовых могильников, используемых в течение жизни нескольких поколений сородичей, нет оснований говорить о складывании здесь устойчивых маршрутов кочевания и наличии постоянных зимников. Вообще тенденция к тому, чтобы в каждом погребении кочевника видеть маркер зимника, представляется ошибочной. Обитатели кочевого мира, так же как их оседлые соседи, умирали не только в зимнее время и хоронили их необязательно только в зоне расположения зимних пастбищ.

Это наблюдение подтверждают также выводы М.М. Казанского, который попытался выявить этнокультурные различия между двумя основными массивами кочевого населения гуннского времени на огромном пространстве между Дунаем и Уралом. В результате картографирования находок на этой территории, анализа особенностей погребального обряда, сопровождающих конские погребения, инвентаря и т.д. были выделены две группы гуннов. Первая, западная группа, «царские» гунны, входившие в объединение Атилы. Их этнокультурная зона определяется Дунаем с запада и Днепром с востока. И следующая, восточная группа, возможно акациры и другие родственные им племена, названия которых не известны авторам письменных источников, проживавшие от Дона до Волги, в Предкавказье и далее, до Урала. Характерно, что между этими двумя этнокультурными зонами наблюдаются пустые пространства, на которых либо вовсе отсутствуют, либо крайне мало численны гуннские погребения. К числу таких незанятых кочевниками территорий М.М. Казанский относит приазовские степи к востоку от р. Молочной, а также крымские степи [34, с. 124]. Характерно, что хронологически описанное положение дел относится к первой половине – середине V в. [34, с. 122], т.е. опять же ко времени существования гуннского союза на Западе, вплоть до смерти Атилы.

Очевидно также, что войны с Римом, Константинополем и союзными с ними варварскими народами требовали привлечения больших людских ресурсов. Гунны не только побеждали и грабили, но и погибали в боях и походах. Например, «битва народов»

рии Китая, Рима, Византии, в кочевом мире наиболее последовательно подобную политику проводил Чингисхан и его преемники. Жестокость эту можно объяснить тем, что экстенсивное кочевое хозяйство требует больших площадей для выпаса скота. Она как бы отражает экологию кочевой жизни, в которой нет места моральным соображениям и жалости к врагу, а продолжают действовать биологические закономерности.

Тортика А.А. Историческая география кочевников ...

на Каталаунских полях 451 г. запомнилась современникам, помимо всего прочего, огромным количеством погибших с обеих сторон. Демографический ресурс гуннского общества неизбежно истощался. Мужчины были отвлечены от основной хозяйственной деятельности, не участвовали в выпасе скота. Хозяйство деградировало или находилось в состоянии стагнации. Их семьи и стада, по всей видимости, располагались где-то недалеко от основного театра боевых действий. Если не в Паннонии, то в междуречье Дуная и Днестра, Днестра и Южного Буга. И только после ряда поражений, во время которых неизбежно погибало большое количество мужчин репродуктивного возраста, гунны откочевали в Поднепровье, Северное Приазовье и Крым.

Таким образом, обитателей горного Крыма спасло прежде всего то, что первоначально они находились в стороне от основного направления гуннского нашествия. Потом, в середине 50-х гг. V в., когда разрозненные и деморализованные поражениями группы гуннов вернулись в Днепро-Донское междуречье и, видимо, стали проникать в степи Крыма, не последнюю роль сыграла их собственная обороноспособность, в том числе и наличие укреплений в горной местности. Сами гунны в это время делятся на племена или племенные союзы, которые достаточно равномерно распределяются по степной зоне Восточной Европы. Границами между ними служили крупные реки – Днестр, Днепр, Дон, а также Азовское море. Видимо, в это время кочевникам хватало свободных территорий для расселения и выпаса скота. Они быстро налаживали оптимальные маршруты перекочевок, перемещаясь по степи в составе традиционных родоплеменных коллективов. Обычно, в отсутствие угрозы нападения внешнего противника, кочевники ведут свое хозяйство большими семьями (патронимиями) – аилами или объединениями нескольких больших семей (родами) – кошами. Условия местности Причерноморья, северного и восточного Приазовья, Днепро-Донского междуречья и степного Крыма способствовали развитию кочевого скотоводства, стада росли в численности, что обеспечивало и прирост населения самих кочевников. Соответственно рос и воинский потенциал этих новых, сложившихся из осколков державы Аттилы кочевых групп и племенных союзов. Их племенные названия, дополняемые новыми волнами пришельцев с востока, начинают постепенно вытеснять имя гуннов со страниц письменных источников и наряду с гуннами, а потом и самостоятельно в событиях конца V – VI вв. в сообщениях древних авторов фигурируют акациры, болгары, сарагуры, уроги, кутригуры, утигуры, савиры, оногуры и т.д.

Определенные сведения о расселении этих крупных племенных союзов содержатся в «Гетике» Иордана, «Войнах с готами» и «Войнах с персами» Прокопия Кесарийского, «Хронографии» Иоанна Малалы. Как известно, Иордан в своей географической справке о территории Скифии очень неопределенно указывает на места расселения гуннского племени акациров, название которых было известно еще до распада гуннской державы⁴. Тогда они обитали неподалеку от Паннонии, возмож-

⁴ Одно из свидетельств об этническом составе и социальной организации кочевников гуннского времени и, в частности о преобладающем положении племени акациров, находится в Готской истории

но, в междуречье Дуная и Днестра. Со слов же Иордана, они жили где-то южнее эстов – «сильнейшее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты». «Далее за ними тянутся над Понтийским морем места расселения болгар... А там и гунны, как плодovитейшая поросль из всех самых сильных племен, закишили надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни из них зовутся альциагирами, другие – савирами, но места их поселений разделены: альциагиры – около Херсоны, куда жадный купец ввозит богатства Азии; летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю» [32, с. 67–68]. Иордану вторит Прокопий Кесарийский: «Расположенные между Херсоном и Боспором местности заняты гуннами» [52, с. 32].

Интересно, что Иордан фиксирует не только демографическое благополучие кочевников начала – первой половины VI в. («плодovитейшая поросль», «закишили»), но и дает некоторые сведения о направлении маршрутов перекочевок. Летом (видимо, также весной и осенью) гунны-альциагиры пасут скот в открытой степи, зимой переходят к морскому побережью. Это типичная ситуация для экстенсивного кочевого скотоводства. Море аккумулятор тепла, в прибрежных балках и долинах скот можно прятать от ветра и бури, если в море впадают реки, то их дельты содержат большое количество сухого корма, пригодного для зимнего выпаса животных. Налицо тот тип кочевого хозяйства, который С.А. Плетнева назвала «второй стадией кочевания» [50, с. 36–83] и который на самом деле является наиболее распространенным среди кочевого населения евразийских степей и полупустынь с I тыс. до н. э. по новое время (XVIII, а местами и по XIX в.) включительно.

Более точная географическая привязка данных Иордана, скорее всего, невозможна. Трактовать их можно по-разному. Первый вариант – гунны кочуют в степях Керченского полуострова и Центрального Крыма в теплое время года, а зимой уходят в Северное Причерноморье и Северное Приазовье. Второй – из открытых степей они переходят к морскому побережью, не выходя за пределы Крымского полуострова в Восточном Крыму и на юго-западе. Отсюда и памятники наподобие Марфовки, Феодосии, Беяуса. Наконец, кочевники могли реализовывать оба варианта маршрутов перекочевок, часть из них оставалась на морском побережье в Крыму, наиболее рационально это было для групп, находившихся на территории Керченского полуострова, а также в районе Евпатории⁵. Часть же уходила в Северное

Приска Панийского и связано с событиями, происходившими около 448 г. «...У этого народа [акациров] было много начальников по коленам и родам; император Феодосии послал им дары для того, чтобы они, по взаимному соглашению, отказались от союза с Атилиой и предпочли союз с римлянами. Но посланный с дарами роздал их не по порядку каждому из царьков народа, так что Куридах, старший по власти, получил дары вторым и, как обиженный и лишенный принадлежавших ему даров, призвал Атилиу против своих соправителей...» [43, с. 252].

⁵ Возможность использования скотоводами приморских территорий степного Крыма и Керченского полуострова в качестве зимних пастбищ была хорошо известна в крымско-татарский период. По на-

Тортика А.А. Историческая география кочевников ...

Причерноморье. В любом случае до 527 г. сам город Боспор находился под контролем гуннов. Вероятно, это свидетельствует об их постоянном присутствии на территории Керченского полуострова в течение всей второй половины V – начала VI вв.⁶

В частности, Иоанн Малала характеризует ставшего союзником Юстиниана и принявшего крещение в Константинополе предводителя гуннов Грода как «находящегося вблизи Боспора». «Сам василевс... отпустил его домой с тем, чтобы он охранял области римлян и Боспор». И, наконец, «этот самый вождь, став христианином и отправившись в свою землю близ Боспора, застал там своего брата» [30, с. 469–470]. Все остальные сюжеты этой истории вращаются вокруг Боспора. Где-то здесь были переплавлены гуннские идолы, именно в Боспоре они были обменены на милиарисии, после чего Грод был убит, а Боспор снова захвачен гуннами. Все указывает на то, что упомянутые гунны жили именно в степях Керченского полуострова и непосредственно соприкасались с территорией Боспора. Их локализация в Восточном Приазовье, на Кубани противоречит и показаниям средневекового автора, и здравому смыслу. В обход, по суше из Покубанья к Боспору, путь долог и пролегает по территории других кочевых племен, флота у гуннов не было (по крайней мере, об этом ничего не известно), а рассчитывать на регулярное и надежное замерзание Керченского пролива не приходится, это явление достаточно редкое, что и отмечают источники.

Таким образом, к концу V – первой половине VI вв. в степном Крыму и на Керченском полуострове формируется постоянное кочевое население. Сначала их называют просто гуннами или гуннами-альциагирами, потом в источниках появляются названия новых крупных гуннских племенных союзов – кутригуров и утигуров⁷. Об их расположении на территории Восточной Европы и взаимоотношениях друг с другом, а также с Византией пишут Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский, Менандр и Феофилакт Симокатта.

блюдениям П.С. Палласа, «ни одна местность России не представляет таких благоприятных условий для овцеводства, как Крым, приспособленный самой природой для этого, так как летом овцы находятся на равнинах и на альпийских пастбищах яйл, а зимой их перегоняют в южные бесснежные долины или на находящиеся у моря плоскогорья, где благодаря бесснежной и мягкой зиме они пасутся свободно» [45, с. 194].

⁶ В частности, А.И. Айбабин отмечает, что на территории Керченского полуострова обнаружено небольшое количество впускных кочевнических погребений в курганы предшествующих эпох. Они совершенны в перекрытых деревом ямах. Скелеты ориентированы черепами на северо-восток или северо-запад. По конструкции и обряду они близки могилам конца V в. По мнению исследователя, могилы VI – первой половины VII вв. оставили племена, кочевавшие в Припонтийской степи с середины V в. [4, с. 27].

⁷ В любом случае утигуры и кутригуры считаются гуннскими народами, происходящими от одного корня, родственными друг другу: «Народ гуннов некогда обитал вокруг той части Меотидского озера, которая обращена к востоку, и жил севернее реки Танаиса, как и другие варварские народы, которые обитали в Азии за Имейской горой. Все они назывались гуннами, или скифами. По племенам же в отдельности одни из них назывались котригурами, другие – утигурами, некоторые – ультизурами, прочие

Один из эпизодов, связанных с расселением гуннских племен в Восточной Европе после распада державы Атилы, приводит Прокопий. Несколько путаясь в хронологии перемещений гуннов в Центральную Европу и обратно, на берега Азовского моря, он приводит легенду о двух сыновьях гуннского предводителя – Утигуре и Кутригуре. Перед своим окончательным поселением в восточном Приазовье утигуры столкнулись с готами-тетракситами. По мнению различных исследователей, это могло произойти в районе Перекопа [Артамонов 1962, с. 86] или на Керченском полуострове [4, с. 22].

Так или иначе современное ему расселение и взаимное расположение кутригуров и утигуров в VI в. Прокопий Кесарийский знает и неоднократно описывает в «Войнах с готами». «...Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную ее часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого «Меотийского болота» и до реки Танаиса, который впадает в «Болото». Само это «Болото» вливается в Эвксинский Понт. Народы, которые тут живут,.. теперь зовутся утигурами. Дальше, на север от них, занимают земли бесчисленные племена антов. Рядом с теми местами, откуда начинается устье «Болота», живут так называемые готы тетракситы» [51, с. 384]. Далее он же отмечает, рассказывая о взаимном расселении кутригуров и утигуров: «...так как кутригуры, как я уже сказал, остались в землях по ту сторону Болота (на запад), то утигуры одни завладели страной, не доставляя римлянам никаких затруднений, так как по месту жительства они совершенно не соприкасались с ними» [51, с. 387–388]. «...За Меотийским болотом и рекой Танаисом большую часть лежащих тут полей, как мною было сказано, заселили кутригуры-гунны. За ними всю страну занимают скифы и тавры, часть которой еще и ныне называется Таврикой...» [51, с. 523]. «...Если идти из города Боспора в город Херсон,.. то всю область между ними занимают варвары из племени гуннов...» [51, с. 526]. Что говорит о том, что и степи Крымского полуострова входят в зону кочевий кутригуров, ибо других «гуннов» в это время здесь уже не было. Гепиды в середине VI в. в поисках союзников для войны с лангобардами и римлянами «...послали к властителям кутригуров, которые жили тогда у Меотийского болота...». В ответ на это Юстиниан отправил послов «...к правителям гуннов-утигуров, которые жили по ту сторону Меотийского болота...» [51, с. 434]. Причем тогда же для войны с кутригурами утигуры «всем народом перешли реку Танаис» [51, с. 435].

Вопрос о расселении кутригуров и утигуров породил обширную историографию⁸. Об этом в разное время писали И. Маркварт, В. Златарски, А. Бурмов, Ив. Богданович,

– вуругундами. Спустя много столетий они перешли в Европу, или действительно ведомые оленем, как передает басня, или вследствие другой случайной причины, во всяком случае перешли каким-то образом Меотидское болото, которое раньше считалось непроходимым, и, распространившись по чужой территории, причинили ее обитателям величайшие бедствия своим неожиданным нападением» [1, с. 147–148].

⁸ Подробный обзор различных мнений выполнен С.А. Ромашевым [54, с. 215–218].

Тортика А.А. Историческая география кочевников ... ████████████████████

Д. Димитров, М.И. Артамонов, А.П. Новосельцев и многие другие. На сегодня в целом устоялась и принята такая точка зрения, что в период, описанный Прокопием, утигуры занимали восточное Приазовье, в основном территорию между Кубанью и Доном⁹. Кутригуры кочевали западнее Дона, в северном Приазовье, Поднепровье и, вероятно, еще западнее, вплоть до Днестра. Они совершали регулярные набеги на византийские земли, доходили до Константинополя, что говорит об их близком соседстве с Византией¹⁰. Вероятно, так же как и в гуннское время, в период господства акациров, крайне западные кочевья кутригуров подходили к Нижнему Дунаю. По всей видимости, до начала спровоцированных Юстинианом войн между утигурами и кутригурами основные территории последних находились все же в Днепро-Донском междуречье. Причем именно здесь находились пастбища, предназначенные для выпаса лошадей, наиболее ценного вида скота, принадлежавшего кочевникам¹¹. Именно такая их локализация предполагает возможность неожиданного нападения утигуров, перешедших Дон и разгромивших незащищенные кочевья, когда воины находились в набеге где-то за Дунаем. Трудно предположить, что так же неожиданно утигуры могли переправиться не только через Дон, но и через Днепр, Буг и т.д.

⁹ Насколько далеко на восток, в сторону Каспийского моря, распространялись владения утигуров, неизвестно. Где-то в Северном Предкавказье проходила граница между ними и племенным союзом савилов, занимавшим западный Прикаспий. В любом случае Прокопий знает, что все степи Северного Кавказа в его время были заняты кочевниками: « (5) Далее (к северу от Дербента или Дарьяла – Каспийских ворот – А.А.Т.) идут равнины, удобные для езды верхом и орошаемые обильными водами; страна большая, ровная и удобная для разведения лошадей. (6) Здесь поселились почти все гуннские племена, занимая пространство до озера Меотиды» [52, с. 27–28]. И утигуры, и савиры беспокоили владения персов и византийцев в Закавказье: «И он (речь идет о царе лазов – А.А.Т.) вместе со своими подданными тщательно охранял границы земли, чтобы враждебные гунны гор Кавказа, соседствующего с ними, не прошли через Лазикку и не вторглись в земли римлян» [52, с. 104]. Стратегическое положение Лазики понимали не только византийцы, но и персы. Так Хосров считал, что «персидская держава навсегда избавится от опустошительных набегов соседствующих с Лазикой гуннов, которых ему [Хосрову] будет легче и без особого труда насыпать на римскую державу, когда ему только заблагорассудится, ибо Лазика не что иное, как передовое укрепление против живущих на Кавказе варваров» [52, с. 136].

¹⁰ Например, в 539 г. произошло очередное вторжение гунно-болгар, по всей видимости, кутригуров, на Балканы: «Тотчас же огромное войско гуннов, переправившись через Истр, вторглось в Европу, наводнив всю ее. Это часто случалось и раньше, но никогда прежде не обрушивалось на жителей этих мест столько несчастий и таких огромных бед» [52, с. 80].

¹¹ Менандр Византиец сообщает о том, что: «...Юстиниан, полагая, что кутригуры опять придут опустошать Фракию, не давал отдыха вождю утигуров Сандилху, частыми посольствами и другими способами подстрекая его во что бы то ни стало воевать против Завергана. К увещаниям император присоединил и обещание, что передаст Сандилху и то жалование, какое от римской державы назначено было Завергану, если только Сандилх одолеет кутригуров. Сандилх, хотя и желал быть в дружеских сношениях с римлянами, однако ж так писал к царю: «Было бы неприлично и притом незаконно в конце истребить наших единоплеменников, не только говорящих одним языком с нами, ведущих одинаковый образ жизни, носящих одну с нами одежду, но притом и родственников наших, хотя и подвластных другим вождям. При всем том (как того требует Юстиниан!) я отниму у кутригуров коней и присвою их себе, чтобы им не на чем было ездить и невозможно было вредить римлянам» [18, с. 320–321].

Таким образом, очевидно, что, по крайней мере, до начала войн с утигурами кутригуры контролировали степи Приазовья и Крыма. Группы гуннов, которыми в свое время управлял Грод и которые после 528 г. окончательно потеряли Боспор, по всей видимости, входили в состав объединения кутригуров или были ему подчинены. Для середины VI в. нет сведений о каких-то иных кочевых племенах или племенных союзах, независимых от кутригуров и проводивших самостоятельную политику на территории Крыма. Но в 50-е гг. VI в. между кутригурами и утигурами шла перманентная война, которая сделала практически невозможной нормальную кочевую жизнь в районе Северного Приазовья. Эти войны в конечном итоге ослабили и кутригуров, и утигуров [7, с. 98] и привели к тому, что с 60-х гг. VI в. кутригуры вступают в союз с аварами [7, с. 110; 21, с. 109], теряют самостоятельность и оказываются вовлеченными в военные действия Аварского каганата в Центральной Европе и на Балканах. Утигуры после 568 г., но не позднее 576 г., подчиняются Западному тюркскому каганату [20, с. 95] и используются его правителями для нападения на Боспор, а также для войн на Кавказе и в Закавказье против Ирана [26, с. 38; 54, с. 228–232].

Таким образом, в сложившуюся в конце V – начале VI вв. систему расселения и сезонных перекочевков снова вмешивается военно-политический фактор. Авары громят утигуров и уводят кутригуров с собой, в Паннонию. Днепро-Донское междуречье превращается в зону противостояния между Аварским и Тюркским каганатами. Все это также не способствует мирной кочевой жизни, с размеренным ритмом сезонных перекочевков и рациональным использованием ресурсов степной зоны. И вот посольство Тиберия во главе с Валентином по пути к ставке тюркского кагана в 576 г. находит кочевья предводителя утигуров Анагея уже в Северном Приазовье [4, с. 29]. Возможно, он не кочевал там, а готовился к походу на Боспор [7, с. 138; 20, с. 96], но в любом случае кутригуров, способных оказать ему сопротивление, ни здесь, ни в Крыму в это время уже не было.

Характерно, что в этот раз (576 г.) кочевые армии утигуров Анагея и тюрок Бохана проходят в Крым через приазовские степи. Они не переправляются через Керченский пролив, что вообще и странно предполагать. Тем более, неправдоподобными выглядят утверждения о том, что те или иные кочевники могли в ходе годового цикла перекочевков пересекать (как минимум дважды в год, туда и обратно) столь сложную водную преграду. Переход кочевых групп через пролив, всего населения айлов, с имуществом, со стадами овец, лошадей, коров теоретически был бы возможен только в зимнее время в результате устойчивого и достаточно длительного замерзания воды. При этом нет никакой уверенности ни в том, что пролив замерзал ежегодно в течение какого-то длительного периода (нескольких десятилетий, полувека), достаточного, чтобы могла выработаться и закрепиться привычка таких перекочевков, ни в том, что крепкий лед держался всю зиму (около 80–100 дней). Кроме того, даже если такие явления устойчивого замерзания пролива и наблюдались в определенный исторический период, то знание особенностей кочевого хозяйства, кочевых привычек, организации циклов сезонных перекочевков не позволяющая

Тортика А.А. Историческая география кочевников ...

согласиться с возможностью регулярного осуществления подобных перемещений. Кочевники должны занять зимние пастбища еще в конце осени до начала устойчивых холодов и обильных снегопадов. На зимнике они находятся дольше, чем на любых других сезонных пастбищах, не меняют мест проживания, не перевозят и не переставляют юрты без крайней нужды, только перемещают стада вокруг центра зимника. Именно поэтому площадь зимников всегда больше, чем летника, а место выбирается с большим количеством сухого травостоя и урочищами, закрытыми от ветра, где можно прятать скот во время зимних буранов. К тому времени, когда Керченский пролив замерзал (если он в этом году вообще замерзал), кочевые аилы уже давно должны были находиться на зимних пастбищах, которые они не покидали до начала весны, таяния снега и появления новой зеленой травы. Конечно, под давлением неблагоприятных обстоятельств (например, нападение врагов) кочевые группы могли покинуть зимник и до окончания сезона, но это было чревато потерей большей части стада, голодом и гибелью людей. Что касается боевых отрядов, не отягощенных семьями и стадами, то они могли совершать рискованные дальние походы, в том числе и переправляться через водные преграды, особенно зимой, по льду. Сообщения о подобных переходах неоднократно встречаются в письменных источниках.

Таким образом, необходимо отметить, что в силу относительно небольших расстояний в масштабах изучаемого региона, ограниченности территории самого Крымского полуострова (конные отряды противника в считанные дни могли наводнить всю его площадь) огромное значение в расселении кочевников здесь имел военно-политический фактор. Расстановка сил в самой кочевой среде, военные возможности Римской империи, позднее Византийской, основные направления кочевых походов и войн того времени, чьими союзниками являлись кочевники на данном этапе, Византии, Ирана или они осуществляли самостоятельную политику, все эти факторы влияют на распределение групп кочевников в степи. От этого во многом зависит и их локализация в том или ином месте.

Малочисленность упоминаний письменных источников о кочевниках в Крыму во второй половине VI – начале VII вв. можно объяснить рядом факторов. 1) В середине VI в. в результате интриг Византии и взаимной ревности кутригуры и утигуры вели перманентную войну, взаимно истребляя друг друга. Степи Крыма находились в пограничной зоне этих союзов племен и были просто опасны для проживания. 2) Большую часть кутригуров авары после 668 г. увели с собой в Паннонию и Западное Причерноморье, где использовали их в войнах с Византией. 3) И, наконец, данные климатологов свидетельствуют о том, что VI и VII вв. были наиболее засушливыми для степной зоны Восточной Европы, что затрудняло ведение кочевого хозяйства и приводило к уменьшению средней плотности кочевого населения. Только с IX в. начинается постепенное увлажнение степи, которое достигает максимума в первой половине II тыс. н.э. в половецкое и ордынское время. Именно тогда кочевники были наиболее многочисленными и боеспособными.

Общепризнанным является факт сильной зависимости кочевого хозяйства от

ландшафтных и климатических условий, а также определены требования, предъявлявшиеся всеми кочевниками к зимним пастбищам. Они должны располагаться в местах с высоким травостоем, малоснежных, имеющих естественные убежища для скота на случай ветра и бури (балки, долины рек, понижения между холмами, перелески, заросли камыша или тростника).

Часто одна и та же территория определяла для кочевников различных исторических периодов сходные способы использования ландшафтных и природно-климатических ресурсов, маршруты кочевания и т.д. Например, потомки половцев и монголо-татар – кубанские ногайцы еще в XVIII в. зимовали в низовьях Кубани и на восточном берегу Азовского моря, а лето проводили в среднем течении Кубани, в предгорьях Кавказа и на западе Ставропольской возвышенности [22]. Крымские татары и ногайцы проводили зиму в степях Крыма, Присивашье, Нижнем Поднепровье и Северном Приазовье, причем восточной границей их кочевий были или Миус, или Молочная [58].

Рассмотрим природные условия названных территорий с точки зрения возможности ведения на них кочевого хозяйства. Здесь выделим два основных региона – Присивашье и степной Крым.

В Присивашье рельеф представляет собой равнину с пологими понижениями – руслами балок и речных долин. Понижениям балок Присивашья соответствуют в плане узкие и длинные заливы Сиваша, а межбалочным возвышенностям – такие же узкие и длинные мысы [9, с. 21]. Такая структура береговой линии кажется удобной для устройства на ней зимних пастбищ с естественными границами между отдельными аилами. На низменном побережье Черного моря и Сиваша встречаются опустыненные полынно-ковылково-типчаковые и житняковые степи. Солончаки заняты пустынными группировками растений [15, с. 99]. На самых низких, сырых и наиболее засоленных участках растут такие галофиты, как солерос, сведа и сарсазан, а также морская полынь и местами тростник. Галофиты имеют немалое значение в кормовом отношении. Если летом и осенью солерос и сарсазан не употребляются скотом в пищу, то после первых же морозов они становятся пригодными для выпаса на них крупного рогатого скота и овец [9, с. 25–27]. Средняя продуктивность галофитно-луговых угодий, распространенных в приморской полосе, Присивашье и некоторых степных подах колеблется в пределах 5–7ц /га сена [61, с. 167–170]. Снежный покров в Присивашье есть всегда, но он невелик и держится от одного до полутора месяцев, оттепели часто сгоняют снег. Безморозный период в восточной части Сиваша продолжается 165 дней, а в западной – 229 дней в году [9, с. 14]. Этот район также пригоден для зимнего содержания скота на подножном корму.

Степи характерны для северной и центральной части Крыма, Тарханкутского и Керченского полуостровов [10, с. 9]. Они являются продолжением степей Украины и занимают ровное пространство, постепенно повышающееся к югу и только у Симферополя принимающее волнистый характер. Здесь встречаются ковыльные (центр полуострова), полынные (приморская полоса) степи и галофитная раститель-

«черные бури» [63, с. 47]. Зима характерна сильными оттепелями, после которых нередко наступает сильное похолодание, что ведет к образованию ледяной корки. Безморозный период на северо-востоке 150 дней, в Крыму – 230 дней. Первые морозы на северо-востоке наблюдаются в начале октября, в Крыму – в конце октября. Окончание морозов в среднем происходит в конце апреля. Вегетационный период на юге начинается в среднем в третьей декаде марта, на северо-востоке – в первой декаде апреля. В северной степи устойчивый снежный покров устанавливается около 20 декабря, а на юге около 25 декабря и удерживается до 1 марта. В центральной и южной степи устойчивый снежный покров бывает только местами в конце декабря. Средняя высота снежного покрова 10–20 см, более 20 см образуется редко, чаще бывает менее 10 см. Число дней со снежным покровом колеблется от 30–50 на юге и в Крыму до 100 на Донецком кряже [15, с. 100–104]. Сплошной снежный покров в Приазовье образуется очень редко. Обычно снег задерживается в понижениях рельефа, на зимнем травостое, в районе лесных участков.

Что касается растительности, пригодной для стравливания домашним животным, то, по мнению специалистов в позднем голоцене, по крайней мере, уже в скифское время, на юге Украины были распространены степи, растительность которых имела современный характер. Скорее всего это были разнотравно-типчаково-ковыльные степи, на юге степной зоны – полыни, на засоленных почвах – галофиты [8, с. 157; 16, с. 117–118]. Следовательно, в рассматриваемый период состав степной растительности и ее продуктивность не должны были сильно отличаться от современных показателей.

Зональным типом здесь является степная травянистая растительность ксерофильного характера с относительно низким уровнем продуктивности [66, с. 3–4]. Валовая продуктивность южных типчаково-ковыльных пастбищ составляет 7–10, злаково-полынных – 5–8 ц /га сухого сена. При усилении выпаса в южной части степной зоны до 3–5 ц /га сухого сена [61, с. 104]. В долинах рек и болотах, особенно важных для зимнего выпаса, наблюдается водно-болотная и луговая растительность [71, с. 52]. При благоприятных условиях средняя урожайность лугов речных долин достигает 2–4 ц сена с 1 га. Сильная испаряемость приводит к засолению почвы и появлению солончаков [5, с. 124], которые также являются одним из видов зимних пастбищ. Растительность подов в засушливые годы мало отличается от окружающих степей, а в годы со значительным количеством осадков на подах появляются болотно-луговые травы [15, с. 99].

Анализ природных условий названных территорий с точки зрения возможности ведения на них кочевого хозяйства показывает, что они были засушливы, мало пригодны для использования в летнее время (с середины весны по середину осени). Оптимальный режим их использования кочевниками – в качестве зимних пастбищ. Особенно это актуально для степей Крыма, климат которых характеризуется жарким и сухим летом и сравнительно теплой зимой с невысоким снежным покровом.

Тортика А.А. Историческая география кочевников ...

Изучение климата показывает, что в 500–700 гг. н. э. в Европе и части Азии было сухо, а в 1100–1250 гг. было обилие осадков. В конце V – начале VII вв. на сто лет приходилось 30–35 засушливых, т.е. засухи в это время случались каждые три года.

По мнению специалистов в позднем голоцене, по крайней мере уже в скифское время, на юге Украины были распространены степи, растительность которых имела современный характер. Скорее всего это были разнотравно-типчакково-ковыльные степи, на юге степной зоны – полыни, на засоленных почвах – галофиты. Следовательно, в рассматриваемый период состав степной растительности и ее продуктивность не должны были сильно отличаться от современных показателей. Для периода зимнего выпаса на подножном корму не будет ошибкой установить как среднее значение продуктивность пастбищ степного Крыма в размере 2 ц сена с 1 га.

Известно также, как интересующую нас территорию использовали другие кочевые народы. Эти данные могут быть привлечены как доказательство, поскольку общепризнанным является факт сильной зависимости кочевого хозяйства от ландшафтных и климатических условий, а также определены требования, предъявлявшиеся всеми кочевниками к зимним пастбищам, а ведь именно от зимних пастбищ и с учетом речной сети, особенно крупных рек, строились маршруты кочевания.

В скифо-сарматское время степи Приазовья, Причерноморья и Крыма использовались как зимние пастбища [57; 19].

После распада Болгарии Кубрата, по данным археологии, зимние кочевья протоболгар конца VII – начала VIII вв. находились в Нижнем Подонье и по берегам Азовского моря [48; 68].

По крайней мере, часть печенегов в IX в. использовала степи Северо-западного Приазовья и Крыма как сезонные пастбища. Об этом сообщает Константин Багрянородный, когда описывает расселение четырех печенежских «родов», расположенных «по ту сторону реки Днепра», т.е. на левобережье и далее на восток. Они проживают, помимо прочего, «напротив... Херсона и прочих Климатов», а страна печенегов – Пачинакия в целом «к Херсону очень близка, а к Боспору еще ближе» [39, с. 157]. Вообще расположение печенегов в Крыму в X в. напоминает описанное Прокопием Кесарийским размещение «гуннов» между Боспором и Херсоном в VI в. Они, по всей видимости, занимают большую часть Керченского полуострова, Третью гряду, юго-запад, северо-запад с Тарханкутом и всю степную часть Крыма.

В XI–XII вв. у половцев наблюдается концентрации зимних угодий на северном берегу Азовского моря в районе Молочной и Миуса, в Нижнем Поднепровье, отдельная половецкая орда занимает восточное побережье Азовского моря и Покубанье [41; 49].

В Золотой Орде XIII – начала XV вв. естественными границами кочевий ханских темников являются большие реки Восточной Европы – Волга, Дон, Днепр, вдоль течения которых и располагались сезонные пастбища: на юге, в районе устья этих рек у Каспийского, Азовского и Черного морей – зимние, на севере в лесостепи – летние [24; 64; 27].

Боспорские исследования, вып. XXXIII

Полученные данные можно использовать для вычисления экологически возможного кочевого населения территории степного Крыма второй половины V – начала VII вв. по формуле¹²:

$$\text{Числ.мин} = (0,0202 \text{ У} * \text{Пзим}) / (\text{К} * \text{Д}) \text{ или } = (\text{Кс} * \text{У} * \text{Пзим}) / (\text{К} * \text{Д})$$

Где **У** – это урожай сухого сена на корню в ц/га, **Пзим.** – площадь зимних пастбищ в га., **К** – количество корма, необходимое для выпаса одной овцы в день, **Д** – количество дней зимнего выпаса.

Тогда максимальное экологически возможное население можно будет определить по формуле:

Числ.макс = Числ.мин * 1,5, где 1,5 – коэффициент максимально возможного стравливания кормов.

Известно, что Степной Крым занимает 16 840 км², что составляет около 63% территории всего Крыма (традиционно географы не включают сюда площадь Керченского полуострова, которая составляет 3250 км²). Тем не менее приведенные выше данные письменных источников показывают, что Керченский полуостров был населен кочевниками, которые вели себя достаточно активно и даже вплоть до 527 г. контролировали город Боспор. Следовательно, для общих¹³ расчетов численности кочевого населения Крыма может быть использована цифра 20 000 км². Чаще всего степи Крыма использовались кочевниками лишь как одна из составных частей их территории, в которую входили в разные эпохи степи Приазовья, Нижнего Поднепровья, Причерноморья, Днепро-Донского междуречья. В частности, в V – начале VII вв. в период, когда степи Крыма и Приазовья занимали племена гуннов, акациров, кутригуров и утигуров, а также в период создания конфедерации племен во главе с оногурами (Великая Болгария Кубрата), Северо-западное Приазовье и Нижнее Поднепровье, скорее всего, играли роль зимника, степи левобережного Поднепровья и Донецкого края (вплоть до границы лесостепи) – летника.

Сложнее определить значение в кочевом хозяйстве степного Крыма. Своеобразные географические условия, наличие только одного пути, ведущего на север, в Приазовье и Поднепровье, усложняли передвижение кочевых групп, вели к их частичной изоляции на территории полуострова. Возможно также, что кочевники делили степи на более мелкие участки, обеспечивавшие удобство и эффективность природопользования, меньшую протяженность маршрутов перекочевков. Тогда территория Крымского полуострова могла использоваться локально и служила местом размещения всех видов сезонных пастбищ – весенних, летних, зимних, осенних. В этом случае степные пастбища могли использоваться прежде всего зимой, в первой

¹² Подробнее обоснование формулы см. в статье, специально посвященной этому вопросу [62, с. 141–161].

¹³ Подчеркиваю, что речь идет пока о самых общих и приблизительных расчетах. Более точные данные, надеюсь, будут получены со временем, после дополнительного изучения соответствующего комплекса географической и сельскохозяйственной литературы.

половине весны, во второй половине осени. При таком режиме зимние пастбища занимали до 50% пригодной для выпаса территории, поскольку обеспечивали сохранение поголовья скота в наиболее сложное для кочевого хозяйства время года¹⁴.

Рассчитаем экологически возможную численность кочевого населения, исходя из двух условно обозначенных режимов использования пастбищ степного Крыма: 1) как одного большого зимнего пастбища, в этом случае летниками являются степи Приазовья и Нижнего Поднепровья, Причерноморья, тогда исходная цифра для расчетов 20 000 км²; 2) как замкнутой локальной пастбищной территории, в которой только часть площадей может быть отведена под зимники, т.е. около 10 000 км².

Учитывая наличие непригодных для выпаса скота мест в районах расположения зимних пастбищ, доступная для хозяйственного использования территория может быть определена как 70% от общей площади зимних угодий. Следовательно, площадь пригодных для зимнего выпаса пастбищ – **Пзим** будет 1) около 14000 км²; 2) около 7000 км².

Продолжительность зимнего периода, а, следовательно, и времени выпаса – **Д**, в изученном регионе может быть определена в среднем не более 80 дней¹⁵. Зимняя продуктивность пастбищ – **У**, учитывая берега лиманов и степи с нетронутым травостоем, можно считать равной не менее чем 2 ц /га. Дневные потребности овцы в корме – **К** считаются равными 2 кг сухого корма. Теперь можно произвести расчеты по формулам:

1) Числ.мин. = (0,0202 У * Пзим) / (К * Д) = (0,0202 * 200 кг /га * 1400000 га) / (2 кг * 80 дней) = 35350 человек.

Числ.макс. = Числ.мин * Кмакс. = 35350 * 1,5 = 53025 человек.

2) Числ.мин. = (0,0202 У * Пзим) / (К * Д) = (0,0202 * 200 кг /га * 700000 га) / (2 кг * 80 дней) = 17765 человек.

Числ.макс. = Числ.мин * Кмакс. = 17765 * 1,5 = 26512 человек.

Проведем подобные расчеты отдельно для территории Керченского полуострова в режиме замкнутого использования. Тогда площадь зимников будет составлять около 1200 км². Исходные данные: продолжительность зимнего периода – **Д**, здесь может быть определена как 45 дней. Зимняя продуктивность пастбищ – **У** – 2 ц /га. Дневные потребности овцы в корме – **К** – 2 кг. Теперь можно произвести расчеты:

¹⁴ В частности, П.С. Палас неоднократно подчеркивает мягкость крымских зим, в связи с этим благоприятные условия для размножения и выпаса различных видов скота. Особенно показательны в этом отношении верблюды. Ведь известно, что в Золотой Орде, в Поволжье они были, как правило, привозными, плохо размножались из-за холода, дорого стоили. Зимний выпас верблюда не возможен в условиях существования длительного и мощного снежного покрова. У верблюда нет копыт, он в отличие от лошади и овцы не в состоянии добывать корм из-под снега самостоятельно. Здесь же мы наблюдаем обратную ситуацию: «Мягкие зимы в Крыму очень благоприятны для размножения верблюдов, и число их – более чем можно было предположить» [45, с. 193].

¹⁵ Зима на территории Керченского полуострова мягкая и короткая, продолжается 40-50 дней. На остальной территории степного Крыма – около 80-90 дней.

Боспорские исследования, вып. XXXIII

Числ.мин. = $(0,0202 \text{ У} * \text{Пзим}) / (\text{К} * \text{Д}) = (0,0202 * 200 \text{ кг/га} * 120000 \text{ га}) / (2 \text{ кг} * 45 \text{ дней}) = 5387 \text{ человек.}$

Числ.макс. = Числ.мин * Кмакс. = 5387 * 1,5 = 8080 человек.

Таким образом, в результате использования в качестве одного большого зимника степи Крыма могли обеспечить кормами стадо, необходимое для существования кочевого подразделения численностью от 35 до 50 тысяч человек. Учитывая известный и общепринятый для кочевников коэффициент расчета военного потенциала от численности населения, равный 1/5, они могли выставить от 7 до 10 тысяч всадников.

Если кочевники оказывались замкнутыми на территории полуострова, то в степной его части могло безбедно существовать от 18 до 27 тыс. человек. Соответственно, они могли выставить от 3,6 до 5,4 тысячи воинов всадников.

Зимники Керченского полуострова могли обеспечить кочевое общество численностью от 5 до 8 тыс. человек, с военным контингентом от 1000 до 1600 всадников. Видимо, жители Боспора, как правило, имели дело именно с такими отрядами кочевников. В случае же присоединения к ним обитателей всего степного Крыма эта армия увеличивалась до 5–6–7 тысяч.

Естественно, в приведенных расчетах не учитывались пастбищные возможности предгорий и долин, а также альпийские пастбища горного Крыма. Как известно, их ресурсы были достаточны для выпаса многотысячных отар овец. В горных условиях могли выпасаться и табуны лошадей кочевых пород. Впрочем, такие пастбища не могли использоваться в зимнее время. Также не учитывались группы кочевников, перешедшие к оседлости или полuosедлости, занятию земледелием, рыболовством. Численность подобных групп не может быть определена при помощи данной формулы. Их система обеспечения необходимыми продуктами построена на иных, нежели у чистых кочевников закономерностях. Тем не менее они были, и общее население степи и ее окраин было, видимо, несколько больше полученных результатов. В то же время следует отметить, что потерявшие свой скот и возможность кочевать бывшие номады находились на самом низком социальном уровне в своем обществе и, естественно, не могли выставлять воинов-всадников в общеплеменном ополчении. Таким образом, их можно не учитывать при расчете численности военных контингентов.

Данные расчеты указывают на достаточно ограниченные ресурсы степной зоны Крымского полуострова, они не могут обеспечить нормальные условия для ведения экстенсивного кочевого хозяйства большими по численности кочевыми подразделениями. Здесь видится два выхода из положения. 1) Либо кочевники осваивают прилегающие территории Приазовья и Днепро-Донского междуречья, что было отмечено выше, используя степи Крыма в основном для зимнего или иного сезонного выпаса. Как правило, в исторической ретроспективе наблюдается именно такая ситуация. 2) Либо замкнутые на ограниченной территории кочевники вынуждены постепенно оседать, переходить к другим видам хозяйственной деятельности. По всей видимости, что-то подобное произошло с протоболгарами в хазарское время. Хазары вытес-

нили их из степей Приазовья и Днепро-Донского междуречья, возможно, что потеснили и в степном Крыму. Как результат, протоболгарские группы массово оседают в различных местах Крыма, в том числе на территории Керченского полуострова, переходят к земледелию, в их материальной культуре появляются явные признаки салтово-маяцкой культуры, характерной именно для оседлого и полуоседлого населения Хазарского каганата. Подобные явления, хотя и в связи с иными причинами, видимо, имели место и в скифо-сарматское время¹⁶ и в Крымском ханстве¹⁷.

Для сопоставления полученных данных о численности населения можно отметить, что во время войны хазар с арабами в 737 г. армия Хазар-Тархана, состоявшая, по мнению М.И. Артамонова из собственно хазар, насчитывала 40 тыс. человек [7]. Таким образом, численность хазар должна была быть около 200 тыс. Сравнительно большие размеры хазарской армии в этой войне связаны с опасностью положения, когда решался вопрос о существовании государства, и естественно, что Хазар-Тархан был вынужден воспользоваться всеми военными силами хазарского кочевого народа.

Для набегов и локальных войн на чужих территориях, а также для помощи союзникам в их военных предприятиях кочевники, как правило, использовали гораздо меньшие воинские контингенты. Так, в войне с Персией на Кавказе в 50-е гг. VI в. византийцы использовали 2-тысячный отряд савиров [1, с. 88]. Примерно в те же годы на стороне персов сражался отряд из 12 тыс. тех же савиров [51, с. 416]. В 60-е гг. VI века престарелый Велизарий под стенами Константинополя разгромил 2-тысячный отряд кутригуров [1, с. 155–158]. Когда в те же годы VI в. гепиды попросили кутригуров помочь им в войне с ланго-бардами, те прислали им отряд в 12 тыс. человек [51, с. 434]. Феофилакт Симокатта упоминает о стычке между ромеями и десятью сотнями булгар, входивших в состав армии аварского кагана [68, с. 156]. В 668 г. аварский каган «Ваян... приказал десяти тысячам Уннов,

¹⁶ В позднескифском царстве в Крыму в III до н. э. – II в. н.э. население вело в основном оседлый или полуоседлый образ жизни. Авторы Атласа позднескифских городищ предгорного Крыма отмечают наличие природных условий для ведения в этой области скотоводческого хозяйства, в составе стада был и мелкий и крупный рогатый скот и лошади. Однако наличие 53 городищ с примыкающими к ним селищами свидетельствует о сложившейся оседлости. Это население могло использовать в качестве пастбищ территорию северного склона куэст Внешней горной гряды и первого межгрядного понижения, могли выходить и на вторую грядку. Также скот мог летом (от 3 до 4 месяцев) содержаться на горных пастбищах – яйлах. В зимнее время отары овец отгонялись на юго-запад, в район Евпатории или на юго-восток к Феодосии и далее. Возможно, как зимние пастбища использовались и территории степного Крыма [56, с. 14–15].

¹⁷ Описанные П.С. Палласом признаки татарского скотоводства, при всей его развитости и обилии скота (присутствуют все виды, характерные для кочевников Евразии: лошадь, овца, коза, крупный рогатый скот, разводились даже верблюды), не позволяют отнести его к кочевому. При том, что некоторые рудименты кочевого быта сохранены элитой общества – «богатые татары очень гордятся, перевоза свои семьи в закрытых возах, запряженных верблюдами...» [45, с. 193–195], основная масса населения живет оседло, в поселках, деревнях и городах, и только пастухи уходят со скотом на яйлы или в степь. Этот тип скотоводства обычно называют отгонным, и главным его признаком является постоянная оседлость основной массы населения.

Боспорские исследования, вып. XXXIII

называемых контригурами, перейти реку Саву, и разорять Далматию...» [18, с. 391]. В 80-е гг. VI в. к аварам присоединилась дополнительная военная сила, бежавшие от тюркютов и родственные им «забендеры» из народа уар и хуни в числе 10 тыс. человек [67, с. 161]. И, наконец, историк франков Фредегарт сообщает, что в 631–632 гг. часть кутригуров, потерпевших поражение от авар в борьбе за ханский престол в числе 9 тыс. человек, переселяется в Баварию [42, с. 90].

Таким образом, складывается впечатление, что средними размерами кочевой армии, совершавшей набеги на оседлых соседей, были 10–12 тыс. человек. Это военные силы одного – двух кочевых племен. После первых побед над пограничными войсками оседлых государей эта армия разбивалась на 1–2-тысячные отряды, которые рассредоточивались по большой территории, занимаясь грабежами и уничтожая небольшие гарнизоны оседлых соседей. Такое положение дел характерно для того времени, когда кочевники разъединены, кочуют племенами или небольшими союзами племен, образуют небольшие каганаты со стабильной территорией и сравнительно невысоким воинским потенциалом. Большие кочевые армии появляются на границах оседлых государств, когда кочевники создают громадные империи, охватывающие иногда до половины населения Великой Степи.

Результаты вычислений по формулам подтверждают также данные по численности других кочевых народов средневековья и нового времени, содержащиеся в письменных источниках. Известно, что авары (уархуниты), потрепанные в войне с тюркютами беглецы без семей, пришли в Восточную Европу в 658 г. в числе 20 тыс. человек [18, с. 374]. Большинство историков настаивает на том, что это была общая численность населения, состоявшего в основном из мужчин-воинов, которым удалось бежать от поражения и подчинения тюркам. В этом случае речь идет не о традиционной кочевой общественной единице, а об осколках армии разбитых врагами племен. Тем не менее и эта цифра дает не противоречащие представления, полученные при расчетах размеров кочевых орд и их армий.

Военный потенциал мадьяр во время их пребывания в Ателькузе (в степях между Доном и Днепром?) был равен 20 тыс. всадников [7, с. 345]. В отличие от протоболгар VI–VII вв. мадьяры не были старожилами этих мест, пробыли здесь несколько десятков лет в очень невыгодной для себя военно-политической ситуации, под постоянным давлением хазар, черных булгар и печенегов, но даже в таких обстоятельствах их численность должна была составлять, исходя из указанных размеров воинского контингента, около 100 тыс. человек.

Когда Ал-Бекри пишет о буртасах X в., он оценивает их численность в 10 тыс. всадников, следовательно, все население этого племени составляло около 50 тыс. человек [28, с. 62]. Почти такие же размеры племен были установлены для кочевого населения степного Крыма.

По мнению С.А. Плетневой, в печенежское и половецкое время, да и вообще для любой кочевнической орды средний размер может составлять 30–40 тыс. человек. Столько было печенегов, взятых в плен вместе с женами и детьми Алексеем

Комниным, столько же было и берендеев, участвовавших в 1139 г. в междоусобице Ярополка и Всеволода Ольговича [49, с. 79]. В 1237 г. половецкий хан Котян, спасаясь от монголо-татар, откочевал в Венгрию с ордой в 40 тыс. чел. [49, с. 114]. При этом размеры кочевий каждой орды не превышали, как считает С.А. Плетнева, 70 – 100 тыс. км² [49, с. 118], тогда площадь зимников могла быть около 30 – 40 тыс. км². Эти показатели можно проверить при помощи знания минимальной экологически возможной плотности кочевого населения – $P = 0,84$ чел /км², по формуле:

$$\text{Числ.мин.} = P * \text{Пзим.} = 0,84 \text{ чел /км}^2 * 35000 \text{ км}^2 = 29,4 \text{ тыс. человек.}$$

Если же продуктивность зимних пастбищ считать равной не 1 ц /га, как было допущено при определении минимальной плотности, а 2 ц /га, что более характерно для юга степей Восточной Европы, то автоматически вероятная плотность возрастет в два раза, и будет составлять 1,68 чел /км² зимнего пастбища. Тогда население средней кочевой половецкой орды будет равно:

$$\text{Числ.мин.} = P * \text{Пзим.} = 1,68 \text{ чел /км}^2 * 35000 \text{ км}^2 = 58800 \text{ тыс. человек.}$$

Таким образом, предположения С.А. Плетневой в целом совпадают с полученными при эколого-демографических расчетах данными, а поскольку они основаны на информации письменных источников, сообщающих о численности конкретных кочевых обществ, можно говорить и о реальности результатов расчетов, производимых по предложенным формулам.

В половецкое время, что также отмечает С.А. Плетнева, в степях Предкавказья, между Кубанью и Доном могло располагаться около 230–240 тыс. человек кочевников [49, с. 96]. По всей видимости, есть все основания расширить их территорию до пределов Ергеней, Мочаг, Ставропольской возвышенности, степей западного Прикаспия, поскольку, во-первых, степи только между Кубанью и Доном не выдержали бы такой нагрузки кочевого населения, во-вторых, в XI–XII вв. у половцев не было конкурентов в использовании всех указанных выше земель. Эта мысль подтверждается и тем, что монголы в начале XIII в. застали половецкие кочевья в степях между Каспием и Азовским морем.

И, наконец, как считает С.А. Плетнева, если средние размеры кочевой орды были 20–40 тыс., а преобладали орды в 40 тыс. человек, и при этом в степях Восточной Европы известно около 12–15 половецких орд, всего половцев могло быть примерно 500–600 тыс. [49, с. 115]. Если учесть, что это кочевое население занимало степи между Каспийским и Азовским морями, Волгой и Доном, Доном и Днепром, включая Крым, Днепром и Дунаем, то предложенная С.А. Плетневой цифра кажется вполне реальной.

В XIII–XIV вв., по сообщению Плано Карпини [47] и Рубрука [24], ордынские темники кочевали вдоль Днепра, вверх и вниз по течению, с левой и правой стороны, вдоль Дона, Волги и т. д. Тьма в монгольской армии – это 10 тыс. всадников [65, с. 48], такое количество могло выставить население в 40–50 тыс. человек. В этом случае, если между Днепром и Доном, а также в Крымских степях кочевало две тьмы, а на левом берегу Дона еще одна тьма [27, с. 164], то и в ордынское время

степи изучаемой территории могли прокормить около 150 тыс. кочевников. Если же подключить к этому региону Покубанье, то можно говорить о 200 тыс. кочевом населении. Что также соответствует полученным при расчетах данным.

Только в одном степном Крыму в середине XV в. по сообщению Иосафата Барбаро жило столько кочевых татар, что они в случае необходимости могли выставить 4000 всадников. Следовательно, в это время степи Крыма могли прокормить стада 20000 кочевников [13, с. 49]. Что дает цифры, очень близкие полученным расчетам. В то же время следует помнить, что уже в XV в. значительная часть крымских татар отошла от кочевой модели экономики, проживала оседло или полuosедло, хотя и практиковала различные формы скотоводческого хозяйства (пастушество, отгонное, яйлажное и тд.). Соответственно в V–VII вв. кочевое население Крыма могло превышать по численности такое же население в XV в.

В 1770-е гг., после подчинения ногайцев Российской империи, им были отведены «Ногайские или Крымские степи по берегу Черного моря. Число их (по данным И.И. Георги) простиралось до 70000 душ» [22, с. 38]. В конце XVIII в. восточные или кубанские ногайцы в составе трех улусов числом 10 тыс. семей, т.е. около 50 тыс. человек, «кочевали между устьями Кубани до вершины Маныча» [22, с. 39]. Таким образом, общая численность ногайцев, кочевавших в этот период между Днепром и Доном, Доном и Кубанью, была около 120 тыс. чел. Следует предположить, что до русско-турецких войн и присоединения этой территории к Российской империи их было больше. Нужно отметить, что Скальковский, опираясь на собственные наблюдения, сообщает несколько меньшую цифру. По его мнению, в 1783 г. между Кубанью и Доном кочевало 30 тыс. ногайцев, а в северном Приазовье не более 40 тыс., т.е. общее их число – 70 тыс. человек [55, с. 12–13, 17]. Правда, в отличие от протоболгар в состав их кочевий не входили Крым, Нижнее Поднепровье, Ергени, Ставропольская возвышенность и Нижний Дон, уже осваивавшиеся тогда русскими казаками. Тем не менее все эти цифры находятся в одном порядке с полученной при вычислениях по формуле для кочевого населения степного Крыма, а размеры кочевых племен соответствуют в точности принятой средней величине.

Подводя итог, следует отметить, что в дальнейшей работе предполагается более точный учет природно-климатических условий Крыма в целом и отдельных его районов в частности. Как уже отмечалось выше, сами крымские степи обычно не являлись основным и единственным местом обитания кочевых групп. Они могли быть частью кочевой территории, выполняли роль одного или нескольких сезонных пастбищ. Заходившие в Крым айлы или племена имели дополнительные кормовые базы в северном Приазовье, нижнем Поднепровье, как левобережном, так и правобережном, могли перемещаться в меридиональном направлении вдоль Днепра и других рек Причерноморья или Приазовья. Если кочевники были сильны и владели степью севернее Крыма, они вели полноценное кочевое хозяйство с ежегодным циклом перекочевки и практически не имели тенденции к оседлости.

Тортика А.А. Историческая география кочевников ...

Если возникала ситуация, когда кочевые группы, потерпевшие поражение от более сильного противника, или в силу каких-то иных обстоятельств, оказывались запертыми на территории Крымского полуострова, то, по всей видимости, очень скоро они все, или большая их часть, переставали кочевать и постепенно переходили к другим формам кочевого скотоводства, полукочевому, полуседлому, отгонному, яйлажному и т. д.

Таким образом, наблюдается локальная историческая закономерность. Сами по себе степи и предгорные пастбища Крыма могли обеспечить ресурсами для выпаса только небольшую по численности группу кочевников, которой в силу ограниченных военных возможностей было сложно отстоять свою независимость. В режиме полуседлого, отгонного, яйлажного скотоводства, с постепенным переходом части населения к оседлости Крым вмещал в себя уже гораздо большее население, имевшее и достаточную экономическую базу, и большие мобилизационные ресурсы. Однако в этой ситуации речь идет уже не о кочевничестве и кочевниках, а о совершенно иных хозяйственно-культурных типах. Если же изучаются «классические» кочевники с экстенсивным кочевым скотоводством, сезонными перемещениями стада и всего населения и т.д., необходимым условием для сохранения их ХКТ будет стабильная возможность перемещаться за пределы Крымского полуострова, как минимум, в Нижнее Поднепровье и Северное Приазовье.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агафий*. О царствовании Юстиниана / Пер., статья и примеч. М.В. Левченко. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 219 с.
2. *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1990. В. 1. С. 4–86.
3. *Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н.* Основные проблемы этнической истории Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. В. 3. С. 211–222.
4. *Айбабин А.И.* Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. 533 с.
5. *Алексеев Н.А.* Подземные воды Северо-западного Приазовья // Географическое общество. Мелитопольский отдел. Природные условия и хозяйство Северо-западного Приазовья. Л., 1972. В. 2. С. 19–28.
6. *Аммиан Марцеллин*. Римская история (Res Gestae) / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сони. СПб.: Алетейя, 2000. 576 с.
7. *Артамонов М.И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
8. *Артюшенко А.Т.* Растительность лесостепи и степи Украины в четвертичном периоде. К.: Наукова думка, 1970. 174 с.
9. *Бабков И.И.* Сиваш. Симферополь: Крымиздат, 1954. 56 с.
10. *Бабков И.И.* Климат Крыма. Л.: Гидрометеоиздат, 1961. 88 с.
11. *Барон Сигизмунд Герберштейн*. Записки о Московитских делах; Павел Иовий Новокамский. Книга о Московитском посольстве. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1908. 382 с.
12. *Берг Л.С.* Климат и жизнь. М.: ОГИЗ, 1947. 356 с.
13. Библиотека иностранных писателей о России / Труды В. Семенова. СПб.: Изданием М. Калистратова, 1836. Т. 1. 553 с.
14. *Бучинский И.Е.* О климате прошлого русской равнины. Л.: Гидрометеоиздат, 1957. 142 с.

Боспорские исследования, вып. XXXIII

15. *Бучинский И.Е.* Климат Украины. Л.: Гидрометеоиздат, 1960. 130 с.
16. *Буш Н.А.* Ботанико-географический очерк Европейской части СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 192 с.
17. *Ведь И.П.* Климатический атлас Крыма. Симферополь, 2000. 118 с.
18. Византийские историки: Дексиппъ, Эвнапий, Олимпиодоръ, Малхъ, Петръ Патрицій, Менандръ, Кандидъ, Ноннось и Феофан Византиец / Перевод Спиридона Дестуниса; примечания Гавриила Дестуниса. СПб.: Иждивен. Духовного ведомства, 1860. XIII, 516 с.
19. *Гаврилюк Н. А.* Скотоводство степной Скифии. К., 1995. (Препр. / АН Украины. Ин-т археологии; 930.26). 140 с.
20. *Гадло А.В.* Этническая история северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. 216 с.
21. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге: Больше-Тарханский могильник. М.: Наука, 1964. 212 с.
22. *Георги И.И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 2. 178 с.
23. *Георги И.И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – СПб., 1799. Ч. 4. 385 с.
24. *Гильом де Рубрук.* Путешествие в Восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 86–187.
25. *Гумилев Л.Н.* История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н. э. по XVI в. н. э.) // Колебания увлажненности Арало-каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 32–47.
26. *Димитров Д. Ил.* Прабългарите по северното и западното Черноморие. Варна: Книгоиздателство «Георги Бакалов», 1987. 303 с.
27. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
28. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах / статьи и размышления А. Куника и барона В. Розена. СПб., 1878. Ч. 1. 192 с.
29. Известия англичан о России XVI в.: Ченслер, Дженкинсон, Рандольф, Баус / Пер. с англ. С.М. Середонина. М., 1884. 105 с.
30. *Иоанн Малала.* Хронография // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с греч., вступ. статья, коммент. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2001. С. 465–503.
31. *Иордан.* О происхождении и деяниях готы. М.: Изд-во Вост. лит., 1960. 436 с.
32. *Иордан.* Гетика / Вступ. Статья, перевод, коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2013. 505 с.
33. История Болгарии. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. 575 с.
34. *Казанский М.М., Мاستыкова А.В.* «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 114–126.
35. *Кислов А.В., Полтаргаус Б.В.* О временной упорядоченности колебаний климата разных масштабов // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М.: Наука, 1989. С. 44–47.
36. *Климанов В.А.* Цикличность и квазипериодичность климатических колебаний в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М.: Наука, 1989. С. 29–33.
37. Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. С. 190–380.
38. *Комаров Н.Ф.* Этапы и факторы эволюции растительного покрова черноземных степей // Записки Всесоюзного географического общества. Новая серия. Т.13. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1951. 328 с.
39. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М.: Наука, 1991. 496 с.
40. *Костин С.И.* Колебания климата на Русской равнине в историческую эпоху // Труды главной геофизической обсерватории. 1965. № 181. С. 56–74.
41. *Кудряшев К.В.* Половецкая степь // Записки Всесоюзного географического общества. Новая серия. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1948. 162 с.
42. *Кулаковский Ю.* История Византии. К., 1915. Т. 3. 432 с.
43. *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948. № 4 (26). С. 223–298.

Тортика А.А. Историческая география кочевников ...

44. Материалы по истории Туркмении и туркмен. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 1. 612 с.
45. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с.
46. Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР / АН СССР, Ин-т востоковед. М.: Изд-во АН СССР, 1941. 171 с.
47. Плано Карпини. История Монгалов. М.: Мысль, 1997. С. 30–85.
48. Плетнева С.А. От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 198 с.
49. Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 206 с.
50. Плетнева С.А. Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 188 с.
51. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 515 с.
52. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с греч., вступ. статья, коммент. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2001. 541 с.
53. Раунер Ю.Л. Динамика экстремумов увлажнений за исторический период // Известия АН СССР: Сер. географическая. 1986. № 6. С. 5–22.
54. Ромашев С.А. Болгарские племена Северного Причерноморья в V–VII вв. // АЕМА. 1994. V. 8. С. 207–252.
55. Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах (1790–1832) // Известия Таврической ученой Архивной комиссии. 1912. № 48. С. 1–144.
56. Сmealова Т.Н., Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П. Атлас позднескифских городищ Предгорного Крыма. СПб.: Алетейя, 2015. 248 с.
57. Страбон. География в 17 книгах / Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского; Под. ред. проф. С.Л. Утченко. М.: Наука, 1964. 943 с.
58. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. Сер. история. 1940. Т. 2. В. 61. С. 3–71.
59. Таскин В.С. Скотоводство сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. М.: Наука, 1968. С. 21–44.
60. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. 563 с.
61. Типология лугов Украины и их рациональное использование / Л.С. Балашев, Л.М. Сипайлова, В.А. Соломаха, Ю.Р. Шеляг-Сосонко. К.: Наукова думка, 1988. 236 с.
62. Тортика А.А., Михеев В.К. Методика эколого-демографического исследования традиционных кочевых обществ Евразии // Археология Восточноевропейской лесостепи. В. 15. Воронеж, 2001. С. 141–161.
63. Тюкова В.В., Горобий А.М. К вопросу о хозяйственном использовании земель Северо-западного Приазовья // Географическое общество. Мелитопольский отдел. Природные условия и хозяйство Северо-западного Приазовья. Л., 1972. В. 2. С. 47–51.
64. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. 274 с.
65. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. 180 с.
66. Федосеев А.П. Зональная продуктивность растительного покрова в связи с показателем соотношения тепла и влаги // Материалы Харьковского отдела географического общества СССР. Харьков, 1965. В. 2. С. 3–8.
67. Феофилакт Симокатта. История / Реч. Н.В. Пигулевской, пер. С.П. Кондратьева, примечания К.А. Осиповой. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 224 с.
68. Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.: Б.и., 1996. 100 с.
69. Шварцбах М. Климаты прошлого: Введение в палеоклиматологию. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 283 с.
70. Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Записки географического общества СССР. Новая серия. Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т.16. 337 с.

Боспорские исследования, вып. XXXIII

71. Яценко А.В. О водно-болотной и луговой растительности Северо-западного Приазовья // Географическое общество. Мелитопольский отдел. Природные условия и хозяйство Северо-западного Приазовья. Л., 1972. В. 2. С. 52–54.

REFERENCES

1. Agafiy. *O tsarstvovanii Yustiniana* / Per., statya i primech. M.V. Levchenko. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1953. 219 p.
2. Aybabin A.I. Hronologiya mogilnikov Kryima pozdnerimskogo i ranne-srednevekovogo vremeni // *Materialyi po Arheologii, Istorii i Etnografii Tavrii*. Simferopol, 1990. V. 1. P. 4–86.
3. Aybabin A.I., Gertsen A.G., Hrapunov I.N. Osnovnyie problemyi etnicheskoy istorii Kryima // *Materialyi po Arheologii, Istorii i Etnografii Tavrii*. Simferopol, 1993. V. 3. P. 211–222.
4. Aybabin A.I. *Kryim, Severo-Vostochnoe Prichernomorie i Zakavkaze v epohu srednevekovyia IV–XIII vv.* / Otv. red. T.I. Makarova, S.A. Pletneva. – M.: Nauka, 2003. – 533 p.
5. Alekseev N.A. Podzemnyie vodyi Severo-zapadnogo Priazovya // *Geograficheskoe obschestvo. Melitopolskiy otdel. Prirodnyie usloviya i hozyaystvo Severo-zapadnogo Priazovya*. L., 1972. V. 2. P. 19–28.
6. Ammian Martsellin. *Rimskaya istoriya (Res Gestae)* / Per. s lat. Yu.A. Kula-kovskogo i A.I. Soni. SPb.: Aleteyya, 2000. 576 p.
7. Artamonov M.I. *Istoriya hazar*. L.: Izd-vo gos. Ermitazha, 1962. 523 s.
8. Artyushenko A.T. *Rastitelnost lesostepi i stepi Ukrainyi v chetvertichnom periode*. K.: Naukova dumka, 1970. 174 p.
9. Babkov I.I. *Sivash*. Simferopol: Kryimizdat, 1954. 56 p.
10. Babkov I.I. *Klimat Kryima*. L.: Gidrometioizdat, 1961. 88 p.
11. Baron Sigizmund Gerbershteyn. *Zapiski o Moskovitskih delah*; Pavel Ioviy Novokamskiy. *Kniga o Moskovitskom posolstve*. SPb.: Izd-vo A.S. Suvorina, 1908. 382 p.
12. Berg L.S. *Klimat i zhizn*. M.: OGIZ, 1947. 356 p.
13. *Biblioteka inostrannyih pisateley o Rossii* / Trudami V. Semenova. SPb.: Izhdiveniem M. Kalistratova, 1836. T. 1. 553 p.
14. Buchinskiy I.E. *O klimate proshlogo russkoy ravniny*. L.: Gidrometioizdat, 1957. 142 p.
15. Buchinskiy I.E. *Klimat Ukrainyi*. L.: Gidrometioizdat, 1960. 130 p.
16. Bush N.A. *Botaniko-geograficheskii ocherk Evropeyskoy chasti SSSR*. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1935. 192 p.
17. Ved I.P. *Klimaticheskii atlas Kryima*. Simferopol, 2000. 118 p.
18. *Vizantiyskie istoriki: Deksipp', Evnapiy, OlimpIodor', Malh', Petr' Patrityy, Menandr', Kandid', Nonnos' i Feofan Vizantiets* / Perevod Spiridona Destunisa; primechaniya Gvrilila Destunisa. SPb.: Izhdiven. Duhovnogo vedomstva, 1860. XIII, 516 p.
19. Gavriyuk N. A. *Skotovodstvo Stepnoy Skifii*. K., 1995. (Prepr. / AN Ukrainyi. In-t arheologii; 930.26). 140 p.
20. Gadlo A.V. *Etnicheskaya istoriya severnogo Kavkaza IV–X vv.* L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1979. 216 p.
21. Gening V.F., Halikov A.H. *Rannie bolgaryi na Volge: Bolshe-Tarhanskiy mogilnik*. M.: Nauka, 1964. 212 p.
22. Georgi I.I. *Opisanie vseh obitayuschih v Rossiyskom gosudarstve narodov*. SPb., 1799. Ch. 2. 178 p.
23. Georgi I.I. *Opisanie vseh obitayuschih v Rossiyskom gosudarstve narodov*. SPb., 1799. Ch. 4. 385 p.
24. Gilom de Rubruk. *Puteshestvie v Vostochnyie strany*. M.: Myisl, 1997. P. 86–187.
25. Gumilev L.N. *Istoriya kolebaniy urovnya Kaspiya za 2000 let (s IV v. do n. e. po XVI v. n. e.) // Kolebaniya uvlazhnennosti Aralokaspiyskogo regiona v golotsene*. – M., 1980. P. 32–47.
26. Dimitrov D. Il. *Prab'lgarite po severnoto i zapadnoto Chernomorie*. Varna: Knigoizdatelstvo «Georgi Bakalov», 1987. 303 p.
27. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordyi v XIII – XIV vv.* M.: Nauka, 1985. 245 p.
28. *Izvestiya Al-Bekri i drugih avtorov o Rusi i slavyanah* / stati i razmyishleniya A. Kunika i barona V. Rozena. SPb., 1878. Ch. 1. 192 p.

Тортика А.А. Историческая география кочевников ... ████████████████████

29. *Izvestiya Anglichan o Rossii XVI v.: Chensler, Dzhenkinson, Randolf, Baus* / Per. s angl. S.M. Seredonina. M., 1884. 105 p.
30. Ioann Malala. *Hronografiya* // Prokopiy Kesariyskiy. Voyna s persami. Voyna s vandalami. Taynaya istoriya / Per. s grech., vstup. statya, komment. A.A. Chekalovoy. SPb.: Aleteyya, 2001. P. 465–503.
31. Iordan. *O proishozhdenii i deyaniyah getov*. M.: Izd-vo Vost. lit., 1960. 436 p.
32. Iordan. *Getika* / Vstup. Statya, perevod, komment. E.Ch. Skrzhinskoy. SPb.: Aleteyya, 2013. 505 p.
33. *Istoriya Bolgarii*. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. T. 1. 575 p.
34. Kazanskiy M.M., Mastiykova A.V. «Tsarskie» gunnyi i akatsiryi // *Gunnyi, gotyi i sarmaty mezhd Volgoy i Dunaem*. SPb.: Fakultet filologii i iskusstv SPbGU, 2009. P. 114–126.
35. Kislov A.V., Poltarus B.V. O vremennoy uporyadochennosti kolebaniy klimata raznykh masshtabov // *Paleoklimaty pozdnelednikovaya i golotsena*. M.: Nauka, 1989. P. 44–47.
36. Klimanov V.A. Tsiklichnost i kvaziperiodichnost klimaticheskikh kolebaniy v golotsene // *Paleoklimaty pozdnelednikovaya i golotsena*. M.: Nauka, 1989. P. 29–33.
37. *Kniga Marko Polo*. M.: Myisl, 1997. P. 190–380.
38. Komarov N.F. Etapy i faktoryi evolyutsii rastitel'nogo pokrova chernozemnykh stepey // *Zapiski vsesoyuznogo geograficheskogo obschestva. Novaya seriya*. T.13. M.: Gos. izd-vo geogr. lit., 1951. 328 p.
39. Konstantin Bagryanorodnyiy. *Ob upravlenii imperiyei*. M.: Nauka, 1991. 496 p.
40. Kostin S.I. Kolebaniya klimata na Russkoy ravnine v istoricheskuyu epohu // *Trudy glavnoy geofizicheskoy observatorii*. 1965. Vol. 181. P. 56–74.
41. Kudryashev K.V. Polovetskaya step // *Zapiski Vsesoyuznogo geograficheskogo obschestva. Novaya seriya*. T. 2. M.: OGIZ, 1948. 162 p.
42. Kulakovskiy Yu. *Istoriya Vizantii*. K., 1915. T. 3. 432 p.
43. Latyishev V.V. Izvestiya drevnih pisateley o Skifii i Kavkaze // *Vestnik drevney istorii*. 1948. Vol. 4 (26). – P. 223–298.
44. *Materialy po istorii Turkmenii i turkmen*. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1939. T. 1. – 612 p.
45. Pallas P.S. *Nablyudeniya, sdelannyye vo vremya puteshestviya po yuzhnyim namestnichestvam russkogo gosudarstva v 1793–1794 godah* / Per. s nem. M.: Nauka, 1999. 246 p.
46. Pigulevskaya N. *Siriyskie istochniki po istorii narodov SSSR / AN SSSR*, In-t vostokoved. M.: Izd-vo AN SSSR, 1941. 171 p.
47. Plano Karpini. *Istoriya Mongalov*. M.: Myisl, 1997. P. 30–85.
48. Pletneva S.A. *Ot kocheviy k gorodam: Saltovo-mayatskaya kultura*. M.: Nauka, 1967. 198 p.
49. Pletneva S.A. *Polovtsy*. M.: Nauka, 1990. 206 p.
50. Pletneva S.A. *Kochevniki srednevekovya: Poiski istoricheskikh zakonomernostey*. M.: Nauka, 1982. 188 p.
51. Prokopiy iz Kesarii. *Voyna s gotami* / Per. S.P. Kondrateva. M.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 515 p.
52. Prokopiy Kesariyskiy. *Voyna s persami. Voyna s vandalami. Taynaya istoriya* / Per. s grech., vstup. Statya, komment. A.A. Chekalovoy. SPb.: Aleteyya, 2001. 541 p.
53. Rauner Yu.L. Dinamika ekstremumov uvlazhneniy za istoricheskiiy period // *Izvestiya AN SSSR: Ser. geograficheskaya*. 1986. Vol. 6. P. 5–22.
54. Romashev S.A. Bolgarskie plemena Severnogo Prichernomor'ya v V–VII vv. // *AEMA*. 1994. V. 8. S. 207–252.
55. Sergeev A. Nogaytsy na Molochnykh vodah (1790 – 1832) // *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy Arhivnoy komissii*. 1912. Vol. 48. P. 1–144.
56. Smekalova T.N., Koltuhov S.G., Zaytsev Yu.P. *Atlas pozdneskifskikh gorodisch Predgornogo Kryima*. SPb.: Aleteyya, 2015. 248 p.
57. Strabon. *Geografiya v 17 knigah* / Per., statya i komment. G.A. Stratanovskogo; Pod. red. prof. S.L. Utchenko. M.: Nauka, 1964. 943 p.
58. Syiroechkovskiy V.E. Muhammed-Geray i ego vassaly // *Uchenyie zapiski MGU. Ser. istoriya*. 1940. T. 2. V. 61. P. 3–71.

Боспорские исследования, вып. XXXIII

59. Taskin V.S. Skotovodstvo syunnu po kitayskim istochnikam // *Voprosyi istorii i istoriografii Kitaya*. M.: Nauka, 1968. P. 21–44.
60. Tizengauzen V. *Sbornik materialov, odnosyaschihsya k istorii Zolotoy Ordyi*. SPb., 1884. T. 1. 563 p.
61. *Tipologiya lugov Ukrainyi i ih ratsionalnoe ispolzovanie* / L.S. Balashev, L.M. Sipaylova, V.A. Solomaha, Yu.R. Shelyag-Sosonko. K.: Naukova dumka, 1988. 236 p.
62. Tortika A.A., Miheev V.K. Metodika ekologo-demograficheskogo issledovaniya traditsionnykh kochevykh obschestv Evrazii // *Arheologiya Vostochnoevro-peyskoy lesostepi*. V. 15. Voronezh, 2001. P. 141–161.
63. Tyukova V.V., Gorobiy A.M. K voprosu o hozyaystvennom ispolzovanii zemel Severo-zapadnogo Priazovya // *Geograficheskoe obschestvo. Melitopolskiy otdel. Prirodnyie usloviya i hozyaystvo Severo-zapadnogo Priazovya*. L., 1972. V. 2. P. 47–51.
64. Fedorov-Davyidov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Evropyi pod vlastyu Zoloto-ordyinskiykh hanov*. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1966. 274 p.
65. Fedorov-Davyidov G.A. *Obschestvennyy stroy Zolotoy Ordyi*. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1973. 180 p.
66. Fedoseev A.P. Zonalnaya produktivnost rastitelnogo pokrova v svyazi s pokazatelem sootnosheniya tepla i vlagi // *Materialyi Harkovskogo otdela geograficheskogo obschestva SSSR*. Harkov, 1965. V. 2. P. 3–8.
67. Feofilakt Simokatta. *Istoriya / Rech.* N.V. Pigulevskoy, per. S.P. Kondrateva, primechaniya K.A. Osipovoy. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 224 p.
68. Flerov V.S. *Rannesrednevekoviye yurtoobraznyie zhilisha Vostochnoy Evropyi*. M.: B.i., 1996. 100 p.
69. Shvartsbah M. *Klimaty proshlogo: Vvedenie v paleoklimatologiyu*. M.: Izd-vo inostr. lit., 1955. 283 p.
70. Shnitnikov A.V. Izmenchivost obschey uvlazhnennosti materikov severnogo polushariya // *Zapiski geograficheskogo obschestva SSSR*. Novaya seriya. L.: Izd-vo AN SSSR, 1957. T.16. 337 p.
71. Yatsenko A.V. O vodno-bolotnoy i lugovoy rastitelnosti Severo-zapadnogo Priazovya // *Geograficheskoe obschestvo. Melitopolskiy otdel. Prirodnyie usloviya i hozyaystvo Severo-zapadnogo Priazovya*. L., 1972. V. 2. P. 52–54.

Резюме

Анализируются историческая география, хозяйственная база и демографический потенциал кочевого населения Крыма в первой половине V – начале VII веков. В источниках есть ряд свидетельств, позволяющих выявить признаки экстенсивного кочевого скотоводства населения степей Восточной Европы в гуннскую эпоху и некоторые географические характеристики их среды обитания.

Общепризнанным является факт сильной зависимости кочевого хозяйства от ландшафтных и климатических условий, а также определены требования, предъявлявшиеся к зимним пастбищам. Они должны располагаться в местах с высокой травой, малоснежных, имеющих естественные убежища для скота на случай ветра и бури.

Характеристика природных условий Крыма с точки зрения возможности ведения кочевого хозяйства показывает, что они были засушливы, почти не пригодны для использования в летнее время. Оптимальный режим их использования кочевниками – в качестве зимних пастбищ.

По мнению специалистов, в рассматриваемый период состав степной растительности и ее продуктивность не должны были отличаться от современных показателей.

Имеющиеся данные можно использовать для вычисления экологически возможного кочевого населения территории степного Крыма первой половины V – начала VII веков.

В результате использования в качестве одного большого зимника степи Крыма могли

Тортика А.А. Историческая география кочевников ...

обеспечить кормами стадо, необходимое для существования 35–50 тысяч человек. Учитывая общепринятый для кочевников коэффициент расчета военного потенциала от численности населения, равный 1/5, они могли выставить от 7 до 10 тысяч всадников.

Если кочевники оказывались замкнутыми на территории полуострова, то в степной его части могло безбедно существовать от 18 до 27 тысяч человек. Соответственно, они могли выставить от 3,6 до 5,4 тысячи воинов всадников.

Зимники Керченского полуострова могли обеспечить кочевое общество численностью от 5 до 8 тысяч человек, с военным контингентом от 1 до 1,6 тысячи всадников. Видимо, жители Боспора имели дело именно с такими отрядами. В случае присоединения к ним обитателей всего степного Крыма эта армия увеличилась до 5–7 тысяч.

В приведенных расчетах не учитывались пастбищные ресурсы предгорий и долин, а также альпийские пастбища горного Крыма. Также не учитывались группы кочевников, перешедшие к оседлости или полuosедлости, занятию земледелием, рыболовством. Численность подобных групп не может быть определена при помощи формулы. Их система обеспечения построена на иных закономерностях.

Ключевые слова: кочевник, география, режим, сезонность, численность.

Summary

The article analyzes historical geography, economic base and demographic potential of nomadic population of the Crimea in the first half of the V – the beginning of VII ages. In sources there is a row of evidences, allowing find the signs of the extensive nomadic cattle breeding of population of steppes of Eastern Europe in Hunnic epoch and some geographical descriptions of their environment of dwelling.

The fact of strong dependence of nomadic economy from landscape and climatic terms is confessed. Requirements to winter pastures are determined. They must be disposed in places with high grass, little snow, natural shelters for cattle in case of wind and storm.

Description of environmental conditions of the Crimea shows from point of possibility of conduct of nomadic economy, that they were droughty, almost not suitable for the use in summer time. Optimum mode of their use by nomads was the use as winter pastures.

In opinion of specialists, composition of xeropolium and its productivity in an examined period did not differ from modern indexes.

Present data can be used for a calculation of ecologically possible nomadic population on the territory of steppe Crimea in the first half of the V – the beginning of the VII centuries.

As a result of the use as one large winter pastures, steppes of the Crimea could provide sterna herd, necessary for existence of 35–50 thousand people. Taking into account the coefficient of calculation of military potential generally accepted for nomads from the quantity of population, equal to 1/5, they could propose from 7 to 10 thousand riders.

If nomads appeared reserved on the territory of the peninsula, there could comfortably live from 18 to 27 thousand people in its steppe part. Accordingly, they could propose from 3.6 to 5.4 thousand warriors- riders.

The winter pastures of the Kerch peninsula could provide nomadic society a quantity from 5 to 8 thousand people, with a military contingent from 1 to 1.6 thousand riders. Apparently the inhabitants of the Bosphorus dealt exactly with such detachments. In the case of tacking inhabitants of all steppes of the Crimea to them this army was increased to 5–7 thousands.

The pasture resources of foot-hills and valleys, and also alpine pastures of mountain Crimea,

Боспорские исследования, вып. XXXIII

have not been taken into account in the resulted calculations. Similarly, the groups of nomads passing to settled way of life or semi-settled way of life, to ploughing and fishing have not been taken into account. The quantity of similar groups cannot be found with the formula. Their system of providing was composed on other principles.

Key words: nomad, geography, mode, seasonality, quantity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тортика Александр Александрович, д. и. н., проф.
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского,
Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Вернадского, 4
ведущий научный сотрудник.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tortika Aleksandr, DSc, Prof.
Scientific Research Center for History and Archeology of Crimea
of Crimean Federal University of V.I. Vernadskiy,
Russian Federation, Republic of Crimea, Simferopol, Vernadskogo Avenue, 4
senior researcher.